

Тамбиянц Юлиан Григорьевич
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
аграрный университет имени И. Т. Трубилина»,
г. Краснодар, Российская Федерация
09081969jylian@rambler.ru

Проблематика человеческого капитала на селе: социокультурные и социально-политические аспекты⁶⁹⁴

Аннотация. В статье уточняется методологическая база концепта «человеческий капитал» применительно к российскому селу. Кроме того, на основе эмпирических данных, анализируется динамика людских ресурсов аграрного социума с социально-политических и социокультурных позиций. Автор констатирует тенденции «размывания» культурной периферии, при сохранении культурно-традиционного ядра. Одновременно ослабляются микросоциальные связи, традиционно сильные для отечественного села, а в результате распространения феномена индивидуализации расширяются поведенческие практики, нацеленные на максимальную реализацию исключительно личных интересов и целей.

Ключевые слова: человеческий капитал; культурные функции села; аграрный социум; общинные установки; национальная традиция; гедонистический дух; индивидуализация

Tambiyants Jylian Grigorievich
FSBEI HE “Kuban State Agrarian
University named after I. T. Trubilin”,
Krasnodar, Russian Federation
09081969jylian@rambler.ru

The problems of human capital in rural areas: sociocultural and socio – political aspects⁶⁹⁵

Abstract. The article clarifies the methodological position on the application of the concept of “human capital” relative to the Russian village, and also, based on the collected empirical data, analyzes the dynamics of rural human resources, primarily from sociocultural and socio-political positions. The tendencies of “erosion” of the periphery of the cultural tradition, while maintaining its core, are ascertained. At the same time, there is a weakening of the microsocial ties traditionally strong for agrarian society (the phenomenon of individualization), resulting in the spread of behavioral practices aimed at the maximum possible realization of exclusively personal interests and goals.

Keywords: human capital; rural cultural functions; agricultural society; community attitudes; national tradition; hedonistic spirit; individualization

---

⁶⁹⁴ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Устойчивое развитие сельских территорий. Программа социологического исследования», проект № 19–011–00241/19.

⁶⁹⁵ The work was supported by the Russian Federal Property Fund in the framework of the project “Sustainable Development of Rural Areas. The program of sociological research”, project No 19–011–00241/19.

Характерны для нынешней социальной действительности описания её в терминах «кризиса», «текучести», «турбулентности». Все это есть следствие неравномерных темпов развития общества и природы, так или иначе, тесно взаимодействующих. Мировая система, выстроенная по принципам капитализма, в отсутствие сдерживающих факторов, если и не ставит вопрос о выживании человечества непосредственно на данный момент, то наверняка актуализирует его в не таком уж далеком будущем. Закономерно, что кризисные явления в той или иной степени затрагивают все регионы, включенные в мировую систему, а Россия, по выражению некоторых экспертов (М. Калашников), вновь становится «слабым звеном» в цепи глобального капитализма. Так это или нет, но можно смело утверждать, что отечественный социум в течение постсоветского периода так и не достиг состояния устойчивости и поступательного развития. По сути здесь кризис никогда не прекращался, всего лишь переходя из острой фазы в вялотекущую или наоборот.

Это подтверждает то обстоятельство, что практически все важные сферы российской общественной жизни неуклонно деградируют, хотя и в разных темпах. Так, военные институты приходят в упадок несколько медленнее образовательных. Ведь если первым приходится «держаться в форме», то вторые испытывают разрушительное воздействие реформы от образования, выражающееся в усилении «бюрократического ига». Специфика аграрной сферы в том, что с одной стороны в ней с самого начала сохранялась кризисная инерция еще с советских времен, с другой стороны, практически за все постсоветское тридцатилетие кризис здесь носил не то чтобы острый, однако неуклонный и в чем-то даже неумолимый характер.

Банально утверждать, что проблематика российского аграрного социума носит системный смысл, предполагая совокупное воздействие глобальных, национальных, природных, региональных факторов. В рамках статьи мы намереваемся затронуть проблематику качества человеческого материала, значение которого переоценить трудно. Показательны результаты опроса сельских жителей Краснодарского края – 41 % селян никак не планируют жить в селе, намереваясь однозначно в недалеком будущем покинуть его; тогда как 22 % заявили, что «возможно уедут». Таким образом две трети человеческих ресурсов сельского социума потенциально неустойчивы, поскольку в любой момент готовы урбанизироваться, сменив сельский образ жизни на городской. Вряд ли данная ситуация может рассматриваться в оптимистичных перспективах с позиции национальных российских интересов. Здесь мы попытаемся осмыслить данные возможные последствия с точки зрения концепции человеческого капитала. С этой целью предполагаются следующие шаги. Во-первых, уточнение собственной методологической позиции по поводу содержательного наполнения «человеческого капитала» применительно к российскому селу. Во-вторых, анализ динамики некоторых аспектов человеческих ресурсов, опираясь на собранные эмпирические данные.

Популярная концепция «человеческого капитала», разработанная и предложенная американскими учеными (Т. Шульц, Г. Беккер и др.), предельно либерализованна методологически. Это вполне объяснимо, поскольку индивид видится здесь в качестве самостоятельно действующего актора, преследующего свои собственные эгоистические интересы и постоянно рефлексирующего по поводу выгод и издержек от собственного поведения. На первый план здесь выдвигаются экономическая система действий, эффективность которых подкрепляется инвестициями в здравоохранение, образование. Справедливости ради следует сказать, что в 70-е годы XX в., Дж. Ролз предпринял серьезную попытку придать типичному социальному действию ценностную обусловленность, но при этом он исходил из тех же либеральных постулатов и ставил во главу угла индивидуальную свободу. Применительно к реалиям российского аграрного социума данный подход следует, по меньшей мере, основательно скорректировать. Следует принимать во внимание, что западные ученые традиционно исходят из индивидуалистической логики, тогда как в ходе исследования российского села в первую очередь целесообразно учитывать коллективистские ориентации, характеризующие российскую ментальность и традиционное сознание. Именно этот различительный признак указывается в работах, где подчеркиваются культурно-цивилизационные различия Запада и России (Н. Бердяев, К. Леонтьев, С. Кара-Мурза и др.).

Среди основных социальных функций села указывается его особая фактически ведущая роль в деле сохранения культурной традиции. А. Хагуров обосновывает это следующими причинами. Во-первых, именно в крестьянской среде изначально зарождалась традиционная культура в эпоху тотального доминирования сельского образа жизни (традиционное общество). Во-вторых, продолжительная эволюция культуры в рамках сельских групп обусловила её опору «на незыблемые ценности архаической, земледельческой культуры, её тесную связь с природной средой, ... её этнический характер во многом обусловлен адаптацией людей к этой природной среде, которая влияла на образ жизни, занятия, менталитет народа». В-третьих, сельская среда оказывается наиболее приспособленной для сохранения культурных ценностей, что достигается за счет ей присущего консерватизма, устойчивости, а также способностей удерживать наиболее жизненно-важное и универсальное [Хагуров, 2010:228].

Будет целесообразным интерпретировать культуру в качестве мощного управленческого ресурса, определяющего эффективность (или, наоборот, деструктивность) использования социальных человеческих ресурсов. Роль корпоративной культуры признает большинство западных обществоведов, особенно те, кто занимается разработкой моделей, нацеленных на эффективное управление организацией. В силу этого мы считаем уместным несколько раздвинуть трактовку социальной сущности человеческих ресурсов отечественного села. Их культурные черты оказываются не менее важными, чем хозяйственные. Наиболее рациональное и

продуманное использование человеческого капитала российского села даст не только экономический, но и социокультурный и социально-политический эффект, что подтверждает история России XX столетия. Так, исход гражданской войны был решен позицией крестьянства, в отношении которого большевики вели более грамотную и гибкую политику, нежели их оппоненты. Сталинская индустриализация, сыгравшая во многом решающее значение в превращении СССР в мировую державу, обеспечивалась прежде всего именно сельскими ресурсами. В годы Великой Отечественной войны как нельзя к месту оказался солидаризм коллективного сознания, хранителем, носителем и воспроизводителем которого являлось российское село. Наконец, в 90-е годы именно отечественная культурная «почва» смогла остановить тотальное распространение в российском духовном пространстве западных либеральных ценностей [Хагуров, Тхакушинов, 1999: 13].

Характеризуя социально-политическую составляющую сознания жителей российского села, следует помнить, что крестьянство традиционно наделяется низким статусом во властной иерархии и чертами политической пассивности. Но, как писалось выше, крестьянское мировоззрение выступает хранителем традиционных установок, тем самым закладывая фундамент культурно-национальной идентичности. Исследователь отечественной традиции этнолог С. Лурье, указывает, что категория государства выдвигается на центральные позиции в мировоззрении селян. Однако нельзя сказать, что фактически потребительское отношение государственной власти к отечественному селу проходит совершенно бесследно. Например, нынешние селяне воспринимают политическую власть в сдержанно скептических тонах. Лишь 3 % респондентов-жителей села дали полностью утвердительный ответ на вопрос «Оправдались ли надежды на установление в стране справедливого, демократического строя?», 21 % считают, что «скорее оправдались», тогда как остальные три четверти придерживаются противоположной точки зрения. Отечественное сознание никак не может ассоциировать справедливый демократический строй и большие различия в доходах. Причем возрастание неравенства отмечается 44 % респондентов, 36 % утверждают, что неравенство значительное и не изменяется и только пятая часть селян-респондентов считает, что уровень неравенства «вполне допустим» (11 %) или даже «постепенно сокращается» (11 %).

Закономерно, что провал демократического эксперимента ассоциируется с действиями официальной власти. В то же время собственно уровни структур власти оцениваются неодинаково. Наиболее пассионарная часть жителей села – фермеры все же в большей степени считает ближе к себе местных чиновников, которые непосредственно взаимодействуют с ними (фермерами), так или иначе проникаясь их проблемами. Однако чем выше структуры власти, тем меньше с их стороны понимания (Таблица 1).

Таблица 1. Понимают ли чиновники все смыслы, заложенные в фермерском деле? (в %)

Варианты ответов	местные	муниципалы	краевые
1. В основном понимают	53	39	39
2. Кое-что понимают	26	37	25
3. Им все эти смыслы чужды	21	24	36

Следует предположить, что действия региональных (да и не только) властей зачастую носят проблемный характер для сельских производителей. Вопрос – «чем могут помочь фермерам краевые власти?» побудил 13–18 % (в зависимости от района) респондентов-фермеров отметить ответ «не мешать». Хотя большинство фермеров полагает, что возможности государственной власти вполне позволяют оказывать фермерству разнообразные содействия, как, например, предоставление субсидий, снижение цен на технику и топливо, удобрения, выдача льготных кредитов, помощь при сбыте продукции и т. п. [Устойчивое развитие сельских территорий 2019: 157].

Весьма любопытные явления отмечаются в идеологическом сознании сельских жителей. Методологически мы рассматриваем идеологические процессы с точки зрения тесного переплетения двух составляющих – классовой и национальной мифологий. Классовый миф исходит из установок о справедливости и в большей степени детерминируется социально-экономическими процессами. Национальный миф отражает групповое чувство современного человека, коренящееся в мифическом понимании принадлежности к роду или племени [Хюбнер, 1996: 328], а также теснейшим образом связан с культурной традицией, представляя своего рода социокультурный фундамент.

Респондентам-селянам предлагался перечень весьма известных политико-идеологических категорий, имеющих классовый, национальный, цивилизационный и прочие смыслы, из которого следовало выбрать не более трех. На первом месте оказалась категория «справедливости», которую отметили более двух третей респондентов (71 %); второе место заняла категория «правовое государство» (48 %), затем понятия «свободы» (38 %) и «равенства» (36 %). Наверняка подобное распределение объясняется актуализацией той проблематики, которую отражают упомянутые респондентами категории. Любопытно, что «патриотизм» собрал «голоса» менее трети опрошенных (29 %), тогда как «народное единство» – менее четверти (24 %) [Устойчивое развитие сельских территорий, 2019: 152]. С одной стороны здесь налицо малая степень актуализации соответствующей проблематики – прямая внешняя угроза отсутствует, а с другой стороны где-то работает фактор размывания традиционных ценностей.

Отношение к Великой Октябрьской революции иллюстрировало уклоны исторического сознания, исторической памяти. Здесь ответы распределились с определенным перевесом в сторону цивилизационно-национальной обусловленности. Так, больше всего опрошенных (41 %) видят в Октябрьской революции событие,

наделившее Россию наибольшим величием («Наша страна стала мировой державой»). Немного более трети (35 %) обнаружили уклон в классовую обусловленность («Установился справедливый общественный строй»). И только четверть респондентов исходят из либеральной логики, определяя негативный характер данного события («Привела к вопиющим нарушениям прав человека»).

Во многом потенциал гражданского сознания селян помогал обнаружить вопрос о создании аграрной политической партии. Такой шаг полностью одобрило немного более четверти респондентов (28 %), в то время как подавляющее большинство (72 %) не поддерживают подобное начинание, а 41 % респондентов полагает, что от такого рода партии проку не будет [Устойчивое развитие сельских территорий, 2019: 162]. Нам представляется, что причины данного факта не столько в слабом развитии гражданской политической культуры, сколько в соображениях «здравого смысла». Отечественная действительность имеет множество примеров, когда партии носят «карманный» смысл, вовсе не являясь выразителем социальных интересов тех или иных групп на политическом поприще.

Немалую роль играет социокультурное воспроизводство человеческих ресурсов. В работах западных теоретиков человеческого капитала основным фактором выступает образование, которое позволяет сформировать и устойчиво повышать профессиональные компетенции. Однако в российских условиях следует говорить не только о профессиональном, но и о ценностном воспроизводстве, поскольку именно ценностное ядро определяет внутреннюю групповую устойчивость, и отношение к окружающему миру.

Опросы позволяют заключить, что на селе сохраняется значительная культурная инфраструктура – дома культуры, библиотеки, музеи, кинотеатры. Однако лишь ничтожно малое число респондентов (7 %) заявили о своем частом посещении подобных учреждений. Громадное большинство (86 %) ходят туда редко. Чаще всего посещаются дома культуры (их отметили 67 %), а вторые по числу упоминаний библиотеки уступают им в 3,5 раза (21 %). С одной стороны это указывает в основном на посещение официальных мероприятий, обычно проводимых в местном Доме культуры, с другой стороны – нечастое посещение тех же библиотек, можно объяснить наличием множества альтернативных книжных источников (интернет, электронные носители).

Можно предложить и другие объяснения факта нерегулярного и нечастого потребления духовных продуктов. Если судить с социально-экономических позиций, то большинство жителей села попросту озабочены банальным выживанием или, иначе говоря, удовлетворением физиологических нужд. Косвенным образом данное обстоятельство подтверждается тем, что 40 % респондентов признали, что многие сельчане работают вахтовым методом, 54 % заявили, что «некоторые так работают». При этом основной причиной выбора такого рабочего режима видится крайняя нужда (72 %) и только четверть респондентов считает, что здесь преследуется цель

разбогатеть. Следует предположить, отталкиваясь от пирамиды иерархии потребностей А. Маслоу, что большинство сельских жителей, заняты решением проблем собственного выживания и своих близких, в связи с чем попросту не имеют времени на культурные мероприятия и рост собственного духовного уровня.

Вместе с тем необходимо принимать во внимание и иные факторы деформации социокультурных практик. Имеется в виду культура потребления, имеющая глобальное значение и не обошедшая отечественный аграрный социум. У большинства сельских жителей популярны формы и механизмы быстрого досуга и расслабления, так как они представляют собой путь наименьшего сопротивления, который предпочитают современные индивиды.

Нынешнюю социальную действительность уместно рассматривать с точки зрения господства *гедонистического духа*, суть которого заключена в наиболее быстром и наиболее полном удовлетворении любых стремлений и желаний, не переходящих юридические рамки. Как пишет философ Б. Марков, аскетичность, самоотречение, солидарность, альтруизм, самоограничение являются на сегодняшний день устаревшими добродетелями – ведь современный порядок «строится на основе не экономии, а траты». Общество потребления с его расширением потребностей идет рука об руку с логикой капитализма, заинтересованного в расширяющемся спросе. «Расчет и дальновидность, предусмотрительность и осторожность перестали культивироваться на индивидуальном уровне и уже не составляют основу человеческого этоса. ...Человек не должен ограничивать себя и бороться со своими желаниями, он должен их удовлетворять» [Марков, 2011: 32–33]. Отсюда самые различные человеческие стремления все меньше сдерживаются, но всячески стимулируются посредством рекламы.

Сформировавшаяся в последние десятилетия потребительская культура приводит в первую очередь к деформации волевые импульсы. Потребительство закладывает и поддерживает в людях установку получения желаемого максимально простым и легким способом. Возможностью сведения усилий к минимуму всячески оперирует коммерческая реклама. Гедонистический дух выдвигает в приоритет стремления получения максимальных физиологических удовольствий или низших потребностей, согласно пирамиде А. Маслоу, тогда как потребности более высокого плана (гармония, красота, эстетизм) фактически вытесняются на периферию сознания.

Подтверждением потребительской тенденции можно считать феномен «паразитической прослойки» на селе. Здесь подразумеваются люди, отвыкшие работать, однако требующие денег и факт их существования отмечают 90 % респондентов. При этом 35 % опрошенных считают, что таких людей становится все больше, а 18 % указывают на то, что они становятся все наглее в собственных требованиях (Таблица 2).

Таблица 2. Имеется ли некоторая прослойка населения, отвыкшая постоянно работать и в то же время требующая денег?

Да есть, и их немало и, притом, их становится все больше	Они есть, и они становятся в своих требованиях все агрессивнее	Такие есть, но они «погоды» не делают, их мало	Не встречал таких
35 %	18 %	37 %	10 %

В том числе и результатом распространения культуры потребления является зафиксированный опросами факт снижения социальных мотиваций или пассионарности по Л. Гумилеву. По сути четверть опрошенных селян (24,9 %) утверждают, что не заняты земельным хозяйством, тогда как 13,7 % признались в том, что забросили собственное хозяйство [Устойчивое развитие сельских территорий, 2019: 155]. Приходится констатировать, что количественно весьма значительная категория селян растеряла мотивацию, фактически «опустив руки».

Наконец, следует затронуть явление, которое по своей сути носит центробежный смысл, выступая фактором деструктуризации традиционно сильных внутренних связей аграрного социума. Мы говорим о феномене индивидуализации, который интерпретируем в стиле немецкого социолога У. Бека. Если традиционному обществу были присущи сословные группы, то индустриализация вывела на передний план социальные классы, продукты трансформированного социума. Спецификой российского аграрного социума всегда выступала устойчивость семьи и общины (коллектива) как традиционных институтов, а также превалирование коллективного хозяйствования над индивидуальным, что обусловлено как исторически, так и географически. Правда, это вовсе не исключает полностью индивидуальную инициативу, просто здесь она получает больше возможностей для реализации в условиях кооперации.

Довольно точно о предпочтениях отечественного крестьянства писал Н. Бердяев. «Человек должен жить в органическом коллективе, послушный его строю и ладу, образовываться своим сословием, своей традиционной профессией, всем традиционным народным укладом» [Бердяев, 2000: 334]. Российский крестьянин считал себя частью общества не столько как индивид, сколько как член конкретной общины, по существу выступающей главным социальным организмом отечественной деревни за весь исторический период. Даже советский колхоз во многом опирался на традиции общины и именно данное обстоятельство, а не политический нажим, явилось главной причиной живучести колхозов.

Упомянутый немецкий ученый У. Бек в работе «Общество риска» констатирует распад прежних традиционных групповых связей, на смену которым приходят новые отношения, по своему характеру куда более краткосрочные и фрагментарные. «Прежние связи между соседями рвутся, – пишет У. Бек, – возникающие социальные отношения и контактные сети образуются по индивидуальному выбору и в таком виде

продолжают существовать. Это может означать отсутствие связей, социальную изоляцию, но также и другое: самостоятельно выбранные и выстроенные *системы отношений* с соседями, знакомыми и друзьями» (выделено У. Бекон – Ю.Т.) [Бек, 2000: 126]. Тем самым резко сокращаются сферы, где коллективом определяется судьба человека и его успешность. Отсюда индивидуализация предполагает, что человек должен рассчитывать только на себя самого, а не на окружающих. Она освобождает человека от традиционных привязок, предоставляя возможность личными решениями определять жизненный путь. При этом временный аспект жизневосприятия сужается до «здесь и сейчас», а проблематика концентрируется вокруг собственного «я» [Бек, 2000: 198].

В результате индивидуализации происходит распространение социальных практик, нацеленных на реализацию прежде всего личных интересов и стремлений. Причем зачастую не берется в расчет то, насколько последние антагонистичны другим людям. Объективно современная реальность не позволяет человеку проявлять гуманизм в отношении других, исключая лишь самых близких. Результаты исследований российского села не то чтобы констатируют этот факт, однако указывают на наметившуюся тенденцию подобного рода. Опосредованно это подтверждают ответы на вопрос «Почему на селе слабо развита кооперация?». В этом плане наиболее активная группа селян – фермеры намного чаще указывают на «человеческий фактор», чем на объективные обстоятельства.

Таблица 3. Что важнее для Вас лично

Варианты ответов	в 1-ю очередь	во 2-ю очередь	В 3-ю очередь
4.1 личное благополучие, личный успех	21 %	22 %	13 %
4.2 благополучие моей семьи, близких	54 %	12 %	4 %
4.3 благополучие сельского поселения, где я проживаю	5 %	23 %	18 %
4.4 благополучие Кубани	5 %	20 %	26 %
4.5 благополучие нашей страны, гармония в обществе	15 %	22 %	38 %

Интересно распределение ответов на вопрос, определяющий наибольшую важность для респондента конкретного социального субъекта Таблица 3. Показательно, что где-то три четверти опрошенных ставят на первый план благополучие близких людей или собственный успех. Очень немногих (не более 10 % в общей сложности) прежде всего волнует благополучие сельского поселения или региона [Устойчивое развитие сельских территорий, 2019: 152]. Такие данные свидетельствуют о явно наметившейся социальной атомизации пусть и на уровне сознания. Надо думать, что в целом ухудшающаяся социально-экономическая ситуация вынуждает людей замыкаться на сугубо личных проблемах, непосредственно касающихся их семей.

Подытоживая вышеизложенный материал, мы намерены предложить следующие заключения.

Сельский социум выступает неким хранилищем традиционных установок (или «коллективного сознания» согласно терминологии Э. Дюркгейма), которые служат своего рода «козырем в рукаве», резервом в кризисных для общества ситуациях. Именно тут заключается основной источник национальной мифологии, стимулирующей проявления патриотизма и способствующей социальному единению перед лицом разного рода социальных вызовов. В этом мы склонны видеть социально-политическую составляющую человеческих ресурсов российского села. Но на сегодняшний день приходится констатировать наличие тенденций «размывания» культурной периферии, при сохранении традиционного ядра. Объективно противоречивые процессы вынуждают жителей села адаптироваться, актуализируя в сознании установки определенного содержания. В контексте углубляющегося экономического неравенства, а также правового беспредела, на первый план выходят ценности «справедливости», «правового государства». Тем не менее в трактовках отечественных селян категория «справедливости» имеет не столько «классовое», сколько традиционно общинное наполнение. В случае изменения внешней обстановки, скорее всего будут актуализированы ценности иного плана (например, «народное единство» «патриотизм»). Похожая ситуация была несколько лет назад в период обострения крымско-украинской проблемы, создав предпосылки для некоторого сближения государства и общества («крымский консенсус»).

Социокультурный потенциал человеческих ресурсов во многом связан с социально-политическим, поскольку предполагает устойчивость социальных связей на базе прочного культурно-мировоззренческого фундамента. Но сейчас надо констатировать ослабление таких связей, что отражается феноменом индивидуализации, способствующем распространению поведенческих практик, предполагающих максимально возможное осуществление личных целей и интересов. Индивидуализация обусловлена рядом причин. Во-первых, ухудшающаяся социально-экономическая обстановка заставляет людей стремиться к банальному выживанию, в виду чего большинство сельских жителей не может (и не хочет) позволить себе принимать в расчет интересы других людей. Во-вторых, болезнь современной цивилизации – это потребительская культура, транслирующая гедонистический дух, под влиянием которого увеличивается число «сломавшихся» людей, расширяется феномен социального паразитизма. В-третьих, ослабление духовно-нравственной составляющей мировоззрения сельских жителей, зачастую жертвующих собственным духовным воспроизводством под влиянием как социально-экономических проблем, так и культуры потребительства.

Тем самым наш общий вывод заключается в том, что потенциал человеческих ресурсов российского села все еще сохраняет высокую социокультурную и социально-политическую значимость. Однако тенденции его ослабления обнаруживаются

достаточно явственно, и это обстоятельство нужно обязательно иметь в виду в контексте формирования политики по отношению к отечественному аграрному социуму.

Библиографический список

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.

Бердяев Н. А. Судьба России: Сочинения. М.: Эксмо-Пресс, 2000. 736 с.

Марков Б. В. «Призрак бродит по Европе...» / Дрие ла Рошель П. Фашистский социализм. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2001 – С. 5–39.

Устойчивое развитие сельских территорий Ч. 1 Стабильная социально-экономическая структура села как предпосылка устойчивого развития сельских территорий. Москва-Краснодар, 2019. 228 с.

Хагуров А. А. Социология российского села. Издание второе, дополненное – М.: Институт социологии РАН, 2010 – 477 с.

Хагуров А. А., Тхакушинов А. К. Реформа и социокультурная среда. Москва – Краснодар: Изд-во КГАУ, 1999. – 112 с.

Хюбнер К. Истина мифа: Пер. с нем. М.: Республика, 1996. 448с.